

СИНОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

А.Н. Хохлов

ИБ РАН

Китаист Д.П. Сивиллов и его русские переводы древнекитайской классики

Дмитрий Петрович Сивиллов (о. Даниил; 1789–1877) известен в истории отечественного востоковедения до 1917 г. как первый в России руководитель кафедры китайского языка в Казанском университете, где, будучи в сане архимандрита, преподавал этот язык с 1837 по 1844 г.¹ Его перу принадлежат многочисленные переводы оригинальных сочинений по древней и средневековой истории Китая, в большинстве своём оставшиеся в рукописи и потому мало известные исследователям-синологам. Среди них важное место занимает русский перевод *Дао-дэ-цзина*, осевший в фонде «Библиотека Азиатского департамента» Архива внешней политики Российской империи (в Москве).

Д.П. Сивиллов – сын дьячка из с. Кеньши Городищенского уезда Пензенской губернии. По окончании духовной семинарии в Пензе он сначала поступил в С.-Петербургскую медико-хирургическую академию, но в 1819 г., не чувствуя большой тяги стать врачом, перешёл в семинарию при Александро-Невской лавре. После принятия монашеского пострига и имени Даниил 14 сентября 1819 г.² он в составе X духовной миссии отправился в Пекин, где под руководством архимандрита Петра (в миру – Павла Ивановича Каменского, 1765–1845), пребывая в должности казначея миссии, активно включился в хозяйственную деятельность, не оставляя научные занятия по составлению словарей и переводу китайских сочинений по истории, философии и филологии.

Вот что писал Д.П. Сивиллов (о. Даниил) начальнику Кяхтинской таможни П.Ф. Голляховскому из Пекина 23 октября 1826 г. по поводу

© Хохлов А.Н., 2014

жизни в Пекинской духовной (православной) миссии и её строительных работ:

«Что же касается до нашего пребывания в Пекине, то мы все по милости Божией здоровы и живём между собою в добром согласии и дружбе, когда каждый занимается своею должностью, возложенною на него Отчеством, а миссия пользуется благоклонностью и уважением окружающих нас китайцев...

Обновление Сретенского храма окончено сего 1826-го года сентября 26-го дня, а перестройку Успенского предполагаем начать на следующий год, ибо ветхость и теснота оного заставляют нас последовать сему предположению. Впрочем, уже и деревянный материал на сей предмет куплен.

Монашеские покои в Сретенском монастыре по причине недостатка суммы придётся перестраивать до приезда новой Миссии, а впрочем, может быть, удастся и нам произвести перестройку оных покоев и других монастырских зданий, ибо мы хотя и не имеем у себя наличной суммы серебра на сей предмет, но надеемся ежегодно получать от здешних доходов немалую сумму денег, [поскольку] настоящие злоключения европейских миссионеров открыли нам случай воспользоваться доходами, получаемыми от (их) земель, лавок и домов, отдаваемых в наём»³.

В донесении от 14 марта 1832 г. в Азиатский департамент МИД Пётр Каменский, касаясь оценки научных работ, выполненных членами миссии за истекшее 10-летие, так характеризовал иеромонаха Даниила (Сивиллова):

«Второй иеромонах, по [должности] в миссии казначей, имеющий по Высочайшей инструкции отличия [в т.ч.] золотой нагрудный крест и набедренник, Даниил, служивший чрез всё время членом во вновь учреждённом в Пекине Совете, за исполнением священнослужения и проповеди слова Божия, научившись в значительной степени китайскому языку, перевёл с русского на китайский: 1) Утренние и вечерние молитвы, 2) Зерцало православия Св. Дмитрия Ростовского, 3) Молитвы, [вслед] за божественной литургией мирянами читаемые, 4) Стоглавник Св. Геннадия.

Много трудился он в составлении учебных пособий; охотно употреблял своё иждивение на списывание и переводы разных [китайских] священных книг, из коих очень значительное число пожертвовал в Пекинскую казённую библиотеку [духовной миссии], каталог которых приложен к журналу текущих дел по Совету [миссии]»⁴.

Во время пребывания в Пекине пристав М.В. Ладьженского, приехавшего в китайскую столицу с новым составом духовной миссии

на смену старой, ему по его просьбе были представлены научные труды членов прежней миссии. Для ознакомления российского пристава с результатами своих научных занятий, Даниил Сивиллов представил объёмистую статью под названием «Краткое обозрение трёх существующих в Китае вероисповеданий, известных под именем конфуцианского, даосского и фоевского [буддийского]»⁵.

Касаясь истории конфуцианства в Китае, Даниил Сивиллов писал:

«Учение, которое ныне господствует в Китае под именем религии учёных (жу-цзяо), не имеет определённой точки времени, с которой можно было бы обозначить её начало, подобно тому как само начало этой империи покрыто мраком неизвестности...

Каждая династия имела свои особенные обрядники, в которые вносила как свои вновь вводимые, так и предшествовавших династий разные постановления... иные из них вовсе отменяла или исправляла, и это продолжалось до тех пор, пока, наконец, не был составлен всеобщий обрядник, служащий для всех династий руководством к богослужению и ныне известный под названием „Ли-цзи“, в коем помещено всё касающееся не только обрядов религии, но и общественной и семейной жизни. При этом таковой обрядник был присоединён к числу тех священных книг, кои в Китае славятся под именем *цзинов*, и в коих заключаются разные правила и законоположения, которые почитаются непреложными, согласно с коими все [лица], начиная от императора и до последнего поселянина, должны сообразовывать своё поведение. Сии то *цзины* и составляют религию учёных, и вместе с тем политику, равно как и всю учёность китайцев...

Основателями её [религии ученых] могут почитаться те [лица], которые участвовали в составлении пяти священных книг *цзинов*, равно как и других узаконений, относящихся до сей религии. Посему не справедливо думают те люди, которые за основателя [этой религии] принимают только Конфуция...

Они [древние китайцы] почитали его [в качестве верховного существа] правителем Неба и Земли, всеобщим отцом рода человеческого, пекущимся о людях так, как о своих детях, и которому они обязаны своим послушанием и почитанием. Сие-то самое существо они разумели под именем *шан-ди*, или Всевышнего владыки, и под именем *шан-тянь*, или Верховного Неба. Ему-то под сими наипаче двумя именами они из глубокой древности приносили в разные времена года и в разных местах свои жертвы, молитвословия и благодарения, смотря по своим нуждам и потребностям...

Понятия о Верховном существе... можно узреть в древнейших, за священные принимаемых китайцами, следующих книгах:

1) „И-цзине“, или книге превращений, 2) „Шу-цзине“, или древней летописи [времен правления] государей Яо и Шуня и проч., 3) в „Ши-цзине“, или книге стихотворений, а обряды в честь ему установленные описаны в книге „Ли-цзи“... или же в „Ли-бу цзэ-ли“ („Уложение ведомства чинов“), или частном [правильно: казённом] обряднике ныне царствующей фамилии [маньчжурской династии Цин]...

Отдавая в сем случае древним китайцам всю справедливость [в соблюдении канонов], нельзя, однако ж, утаить и того, что в [исторически] позднейшие времена их потомки вместо того, чтобы более расширять круг своих понятий в богопознании и следовать по стопам своих предков в служении *шан-ди*, они, напротив того, ... подпали общей с нами участи в рассуждении [ущербности] идолопоклонства и многобожия...

Никто хотя бы он был великий князь или другой какой-нибудь важный в государстве вельможа не имеет права приносить жертвы Небу и Земле, кроме одного императора, который яко всеобщий государства своего первосвященник и яко отец сего великого семейства должен за всех [своих подданных] приносить жертвы правителю Неба и Земли в посвящённых ему храмах. Однако чиновникам, как военным, так и статским позволено только сжигать благовонные вещества и совершать поклонения предпочтительно в храме, посвящённом Гуан-ди... и своим предкам, причём каждому лицу [совершать эту церемонию] на своём [родовом] кладбище и в своём доме. Прочие же граждане и поселяне могут совершать жертвоприношения только одним предкам и некоторым другим низшим богам...

В священных *цзинах* [древних китайцев] нельзя найти [сколь-нибудь] тонких и подробных суждений о бытии Бога и его различных совершенств; не видно божественности естества сего виновника видимого и невидимого мира; [вовсе] не говорится о его чудных действиях и божьем промысле, [т.е.] о всём том им сотворённом, что мы находим у Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки и других древних философов просвещённых языческих народов. Ещё менее того можно найти в них достаточных и ясных доказательств о праведном Суде Божьем, наградах добродетельных и наказании злочестивых людей, о блаженном состоянии первых и злосчастной судьбе последних в вечной жизни и о прочих предметах, до вечности касающихся»⁶.

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, раздел статьи Даниила Сивиллова, специально посвящённый рассмотрению нравственно-политического аспекта религии учёных – конфуцианства, представленный ниже в нескольких пассажах:

«Китайская нравственность может не ограничиваться одними нравственными наставлениями. По своему влиянию на политику государства её можно называть нравственно-политической философией или политикой. Сочинений касательно нравственности в Китае находится великое множество. Самые священные в этом плане книги, называемые „У-цзин“ (Пятикнижие), наполнены многими различными наставлениями, [исходящими от] государей, министров и других [чиновных лиц], прошедших государственную службу на поприще принятых в стране должностей. Разные их истории суть не что иное, как сборники различных наставлений, касающихся вопроса нравственности; эти правила помещены между историческими происшествиями и составлены специально для назидания в общественной и домашней жизни как самого правителя-государя, так и всех [чиновников], разделяющих с ним бремя [государственного] правления.

Среди священных книг, из которых китайцы черпают как из чистого источника всякое просвещение и ведение [государственных дел], первое место занимает „Сы-шу“, или Четырёхкнижие, которое составляет главный предмет китайской учёности. В сей-то книге заключаются те непреложные истины, кои, по мнению учёных китайцев, доставили Конфуцию яко первейшему и главнейшему автору оной и беспримерную славу его потомства и титул учителя правителей и главного начальника для тех, кои чрез [различные] науки достигают учёных степеней в Китае и делаются способными к несению государственной службы.

... Должно признать, что нравоучения, начертанные в „Четырёхкнижии“, не столько блещут красноречием и витиеватым слогом, сколько тем, что отличаются основательностью и высоким полётом мыслей, а более всего глубоким знанием Конфуцием тайн человеческого сердца и причин, от которых зависят как благоденствие всего государства вообще, так и благоустройство каждого дома в частности, равно как и счастье и спокойствие каждого человека, какого бы состояния и звания он не был...

Государь, желающий доставить своим подданным незыблемое счастье и обеспечить своему государству благосостояние, должен сперва просветить свой разум и исправить своё сердце, и только в этом случае он может иметь право на управление государством и таким образом достигнуть цели своего счастья,

которая состоит в том, чтобы посредством просвещения умов подданных в области науки и наделения их сердец благонравием и добродетелями привести всех своих подчинённых в состояние возможности иметь во всём изобилие и богатство ради того, чтобы наслаждаться плодами мира и спокойствия, радоваться всякому счастью, чувствовать себя достойным славы и прочему [в этом духе].

Начиная таким образом с главы [государства], подобные наставления распространяются на каждого подданного, смотря, однако, по состоянию и прохождению службы каждого из них с последующим разделением их по характеру их ближайших связей в частной жизни и отдалённых, связанных с общественной жизнью. Так, дети обязаны своим послушанием и почитанием взрослых, а родители должны любить своих детей, воспитывать их в правилах благонравия и честности, обучать их словесным наукам или каким-либо художествам и ремёслам, смотря по их способностям и природным склонностям.

Министры и всякие служащие [чиновники] должны хранить к своему государю верность и тщательно исполнять свои должностные обязанности. Государь же со своей стороны обязан поощрять их за ревностную службу разного рода вознаграждениями и увеличением жалованья, при этом всякого из подчинённых, хотя бы из низшего состояния, любить и заботиться о его безопасности. Поэтому сии [подданные] должны почитать его яко своего Верховного владыку и Небом поставленного повелителя и безропотно повиноваться во всём его воли и законам, им издаваемым. Муж и жена должны знать свои взаимные обязанности, по которым муж должен во всём иметь первенство, а жена обязана занимать второе место, считая за честь замужество. Если она по правилам чести становится первостепенной, её муж обязан её любить.

Должность учителя состоит в том, чтобы он прилежно обучал своих учеников, чтобы в их сердцах, словно на хорошей ниве, от посаженных им семян мудрости и добродетели, появлялись прекрасные всходы. Поэтому ученики должны за сие уважать своих учителей и выполнять делами то, чему они от них научатся.

Старшие братья обязаны любить своих младших, а сии последние должны им платить за сие почтением и честью. Приятелей и друзей долг обязывает взаимно держаться в рамках искренности и верности. А всех и каждого [из вышеперечисленных] правила, основанные на законах здравого разума и сообразные с волею Верховного Неба, обязывают воздавать честь и

уважение всякому, кто этого заслуживает или по своему достоинству и службе, или по своим [большим] летам и способностям, или по своим заслугам и учёности, или по добродетели и благонравию, или по каким-либо другим особенно благим качествам и отличиям. Вот изображение или лучше сказать краткий свод всей китайской нравственности, представленный со всею подробностью в „Четырёхкнижии“ и других книгах по вопросам нравственности.

Если люди будут жить сообразно с сими правилами мудрости и благоразумия (как восклицают китайцы – учителя правителей и прочие наставники Срединного государства), то всякое владение или царство может придти в цветущее состояние и всякий дом станет благоустроенным. Аналогичным образом всякий человек путём следования этим правилам может достигнуть глубоких знаний и улучшения нравов, а потом и всякого земного счастья – славы, долголетия и телесного здоровья, обладателем великого богатства с избытком временных благ⁷.

Особое внимание в упомянутой статье Даниил Савиллов уделял изложению некоторых идей в главном труде древнекитайского философа Лао-цзы – *Дао-дэ-цзин*, о котором он писал: «Сия книга, „Дао-дэ-цзин“ называемая, находится в [моём] переводе с китайского, сделанном в 1826 г., но он ещё [остаётся] в рукописи»⁸.

«Если судить о нравственности в устах Лао-цзы, – писал Даниил, – то можно найти множество примеров противоречий и несогласия с законами здравого смысла... [Но] если рассматривать её со стороны таинственного смысла, заключающегося больше в намерении сего автора, нежели в букве, то можно видеть удивительные оттенки высокого ума, какого в Китае, как кажется, ни в одном философе нельзя найти ничего подобного, ни даже в самом Конфуции, несмотря на то, что он первенствует перед Лао-цзы во мнении [большинства] учёных китайцев. Нравственность сего философа во всём ищет простоты и истины, и он ни за что так сильно не нападает во всё продолжение, хотя не так обширного, но преполезного сочинения, как на лицемерие, которое, в себе ничего не имея, кроме лжи и обмана, все свои силы употребляет на то, дабы дать пороку вид добродетели и тем заставить других почитать, если не выше, то по крайней мере наряду с добродетелью. Лао-цзы даже и за добродетели не почитает те дела, которые основаны на одном притворстве, несмотря на то, сколько бы они не были велики. Посему он всячески советует совсем бросить таковые добродетели, которые в существе своём не добродетели, а всего-навсего

одна пустая тень, но не самая истина, и тем не обманывает себя и других и все не трудится над тем, от чего один только вред происходит, а пользы нет никакой. Вместо сего, отринув всякую ложь, он убеждает держаться одной истины и правды, в коих заключается существенное достоинство человека и истинное его счастье...

Сверх лицемерия и притворства сей философ в своей книге наиболее всего вооружается ещё против гордости, тщеславия, превозношения себя – своею мудростью и учёностью, или талантами или способностями, своими душевными или телесными силами, [выступая] против самонадеянности, велеречивости, роскоши и неги, всяких предосудительных усилий и поисков, воздержанности и сладострастия – сих, так сказать, всеобщих зол рода человеческого, угрожая теми плачевными последствиями, которые от сих страстей обыкновенно и происходят. Разные подобия, почерпнутые им из видимой природы, разные примеры и изречения древних мужей, к стати им приводимые, и особенно образ святого мужа, которого он так часто... выдаёт за пример для подражания суть такие в сем прекрасном сочинении предметы, посредством коих он всемерно старается вывести людей, ослеплённых мраком страстей и предрассудков, чтобы склонить их к добродетелям, противоположным сим [указанным] порокам, а особливо к смирению яко корню и первому началу всякой добродетели, а также к умеренности, самодовольству и терпению, в коих скрывается и спокойствие духа, и неизблемое благополучие всякого человека. И поскольку все люди, а наипаче китайцы более склонны к порокам, противным сим добродетелям, то вся цель его правоучения, к которой следует стремиться, состоит в том, чтобы отвлечь людей от такого рода страстей, которые и ненавистны Небу и вместе с тем вредны более, чем все другие пороки [вместе взятые]».

Излагая сущность нравственных правил, заключающихся в «Даодэ-цзине», Даниил Сивиллов подчёркивал:

«Лао-цзы имел столь ясные и правильные понятия о Верховном существе, его божественных свойствах, его промысле о всех тварях и особенно о человеке, о достойном служении творцу Неба и Земли, о его добродетельных наградах и наказаниях злостивых [злостных] людей и в сей и в будущей жизни, о бессмертии человеческой души, о вечной жизни, имеющей быть за пределами гроба, что *нельзя не удивляться такой [разумной] высоты и основательности суждений сего мужа* (Здесь и далее курсив мой. – А.Х.).

Если Платон, Сократ и Аристотель удивляют позднее потомство своим понятием, которое они имели о Боге, о его проведении и даже воплощении Сына Божия, в чём многие сомневаются, поскольку они по местоположению своей земли, живя на территории, сопредельной с иудейской страной, могли заимствовать таковые познания или из еврейских священных книг или [непосредственно] у иудеев, имевших соседственные сношения с Грецией, то в рассуждениях Лао-цзы ничего подобного даже подозревать нельзя, и при всём том из его сочинений можно видеть то, что он собственным своим умом достиг такой степени познания о бытии Бога и прочих его свойствах, до чего и оные знаменитые греческие мудрецы едва ли могли додуматься... Лао-цзы не более ли заслуживает на сие право [первооткрывателя], нежели кто другой из языческих философов, по тому наипаче факту, что мы ни в каком другом из их сочинений не находим учения о троичности лиц и о единстве существа Божия?»

Продолжая конкретизировать высказанное суждение о философских и иных взглядах Лао-цзы, Даниил Сивиллов приводил примеры, характеризующие позицию китайского мыслителя в той или иной жизненной ситуации. «Всякие дела, – как писал православный россиянин, – если бы они были сами по себе благими и полезными, но предпринимаемыми людьми с корыстью или ради хвастовства и тщеславия», Лао-цзы «со свойственным только ему языком» характеризовал китайским выражением *у-вэй*, т.е. «не должно делать таковых дел».

«Если посмотреть со стороны буквального смысла, – пишет Даниил, – то в самом деле с первого взгляда может показаться, как будто бы он [Лао-цзы] не желает, чтобы люди творили добро, но если вникнуть в [настоящее] намерение человека, то открывается совсем другое значение... посему где Лао-цзы говорит „У-вэй“, ... там-то добро может быть чистым и полезным, которое творится в тайне, а не перед глазами людей с намерением, чтобы стяжать славу и больше ничего. Учёные же китайцы самым прекраснейшим лао-цзюневым выражениям придали совсем противный смысл, толкуя, что он [Лао-цзы] – человек злонамеренный, враг всякого добра, ненавистник наук, от которых появляются мудрость и всякие полезные знания... а того не видя, что сам Лао-цзы во многих других местах своего сочинения одобряет науки и убеждает всех и каждого творить всякую добродетель»⁹.

В рукописи Д.П. Сивиллова «Руководство к добродетели, почерпнутое из самых начал естественного разума, или нравственная

философия Лао-цзы», существующей в разных авторских вариантах, во введении сказано, что Лао-цзы – современник Конфуция, только старше его летами, родился в бедной незнатной семье.

«Находясь на службе мелким чиновником у одного удельного князя, он [не раз] имел случай наблюдать всю суету жизни человека с развращением нравов своих соотечественников. Будучи одарён пытливым умом, Лао-цзы следил за ходом дел у людей [разного статуса], вникал в причины их поведения, взвешивал их достоинства, усматривал последствия их действий и на этом делал свои заключения. Постигнув причины нравственного зла, он в основание своего учения положил простоту и смирение [человека], отличительными признаками коих поставил бездеятельность и неискательность [отсутствие инициативы]. Одолеваемый до скуки шумом житейской молвы, он часто искал уединения, чтобы на свободе заниматься созерцанием тайн человеческого сердца. Записывая свои мысли в свиток, он назвал его „Дао-дэ-цзин“, что на русском языке называется руководством к добродетели...

В своём уединении Лао-цзы из самого опыта вещей природы увидел вечное бытие творца вселенной, названное им дао – или разумом и даже законом, узрев в нём праведного судью, промыслителя и благодетеля всего сущего. Здесь он также постиг ту высокую истину, которая многим языческим философам служила камнем соблазна и безумия – истину о бессмертии души и понятие – хотя не совсем ясное, однако ж достаточное – о бытии вечной жизни и воздаянии.

Из рассматриваемых явлений природы он извлёк самые высоко-нравственные истины и постарался её физическое воздействие приспособить к нравственным действиям человека. Действительно, нельзя не отдать справедливости мнению Лао-цзы о том, что природа есть наставница земнородных и уроки её для нас всегда могут быть назидательны. Судя по возвышенному тону понятий богословского и философского содержания, содержащихся в книге „Дао-дэ-цзин“, автор её при всей справедливости его идей может занимать первое место между всеми известными в древнем Китае мыслителями сего рода»¹⁰.

Указывая на то, что многие из китайских учёных присоединяют Лао-цзы к числу односторонних писателей и даже далеко нездравомыслящих, хотя если принять главную мысль творения этого философа, а не его частные выражения, то всякая двусмысленность пропадает. Поэтому чтобы избежать перекоса разноречивых мнений,

Даниил Сивиллов, как утверждает он сам, в своём русском переводе старался объяснить «сии [разноречивые] места, дополнениями и комментариями, а те места, несообразные нашим понятиям и здравому смыслу, какие встречаются в сей книге, оставлять неприкосновенными как собственное достояние самого автора, дабы показать, что всякий из языческих философов имеет свой особенный образ мышления и свой взгляд на предмет, свои совершенства и недостатки, правильность суждений и недостатки»¹¹.

Чтобы лучше представить круг социальных проблем, которых касался Лао-цзы, приведём пару пассажей из перевода Даниила Сивиллова и прежде всего суждений китайского философа по поводу оценки войн. Вот что он писал:

«Война не предвещает ничего доброго, а того, кто почитает войну делом добрым, все ненавидят, ибо всякий [деятель], если он руководствуется здравым смыслом, тот без всякой [серьёзной] причины никогда войну не начнет... Итак, война не приносит ничего доброго, потому что она заключает в себе несообразность в ряду распоряжений мудрого [руководителя], однако когда мудрый [деятель] и поднимает оружие, он делает это только в случае крайней нужды. Впрочем, и в этом случае он не теряет душевного спокойствия, которое считает драгоценнее всех сокровищ».

Считая управление народом одним из самых трудных дел, Лао-цзы допускал возможность нарушения правителем установленных законом правил. Например, вместо того, чтобы просвещать свой народ, он предпочёл держать его в невежестве¹².

После возвращения Даниила Сивиллова со старым составом Пекинской миссии в С.-Петербург его решением Св. Синода назначили настоятелем Златоустовского монастыря в Москве, куда он в звании архимандрита переехал на жительство со своим нехитрым домашним скарбом и полученной из Кяхты его богатой коллекцией китайских и маньчжурских книг, ставшей предметом оживлённого любопытства со стороны заинтересованных лиц. С этой удивительной по своему составу библиотекой познакомился и М.Н. Мусин-Пушкин, попечитель Казанского Учебного округа, занимавшийся перед этим визитом отправкой в Париж своего человека (Елачича) для покупки книг по восточной тематике для Казанского университета, где уже активно велось преподавание восточных языков¹³.

Получив от М.Н. Мусина-Пушкина предложение о преподавании китайского языка в Казанском университете, архимандрит Даниил выразил принципиальное согласие, но с приводимую ниже оговоркой.

Это видно из письма Д.П. Сивиллова М.Н. Мусину-Пушкину, отправленного из Москвы в феврале 1837 г.:

«Во время Вашего посещения меня в Москве, когда Ваше Превосходительство изволило сделать мне честь предложением занятия должности преподавателя китайского языка при управляемом Вами Казанском Университете, я хотя на сие изъявил своё согласие, однако ж не в смысле абсолютном, т.е. не в таком отношении, чтобы согласие моё ограничивалось одною моею волею, без всякого отношения о испрошении дозволения [Св. Синода] о перемене настоящей моей службы – у того начальства, в зависимости от которого я теперь нахожусь...

Мысль о сем [предложении] с тех пор и доселе занимала меня постоянно, а теперь особенно побудила обратиться к Вашему Прев-ву с покорнейшею моею просьбою, дабы Вы, Милостивый государь, с Вашей стороны также благоволили употребить надлежащее сношение с его Высокопреосвященством митрополитом Филаретом о том, чего требует настоящее обстоятельство моего предприятия, о котором уже и ему теперь без сомнения стало известно и тем предупредить в нём всякую невыгодную обо мне мысль, которая удобно может в нём возникнуть от того, что я объявил желание без предварительного к нему отношения, хотя я и не имел намерения распорядиться судьбою своею самопроизвольно и без ведома своего начальства...

Однако ж Ваше Прев-во может обойтись и без меня, потому что есть люди, которые удобно могут заменить меня в предполагаемом Вами деле. В особенности в этом случае можно положиться на одного мне известного миссионера, недавно выехавшего из Пекина с довольно хорошими познаниями в китайской литературе, Алексея Ивановича г-на Кованько, о котором Вы можете узнать от Его Прев-ва Павла Львовича барона Шиллинга или от г-на директора Азиатского Департамента [МИД] Константина Константиновича Родофиникина. А меня тогда уже по крайней мере имейте совершенно благодарным, и с глубочайшим уважением и незабвенно памятующим то внимание, которым я так много от лица Вашего Прев-ва был осчастливлен»¹⁴.

Важное место в беседах М.Н. Мусина-Пушкина с Д.П. Сивилловым занял вопрос о его китайской библиотеке, на описи которой настаивал попечитель Казанского учебного округа, намеревавшийся купить её для будущей кафедры китайского языка в Казанском университете. Это видно из приводимого ниже письма архимандрита Даниила от 22 февраля 1837 г. из Москвы на имя М.Н. Мусина-Пушкина:

«Вскоре после того, как я имел счастье видеть Ваше Превосходительство в моих кельях и наслаждаться приятною беседою на счёт Ваших полезных предположений об открытии кафедры китайского языка во вверенном начальству Вашему Казанском Университете, я приступил к описанию своей китайской библиотеки. Кончив опись, долгом поставил я для себя представить каталог книг Вашему Прев-ву на благоусмотрение вследствие той изъявленной Вами мне благой воли Вашей, которой угодно было потребовать от меня такого описания в предположении принятия сих книг в пользу библиотеки Казанского Университета.

Исполняя такое Ваше приказание, я ещё осмеливаюсь повторить пред Вами мою усерднейшую просьбу: благоволите, Ваше Прев-во, дать сей моей скромной, но в своём роде небеззанимательной, а потому и небесполезной библиотеке приют в Вашем богатом святилище наук...

Сбудутся ли Ваши мудрые предположения об открытии класса китайского языка в Вашем Университете или нет, помещение китайской библиотеки в число прочего собрания книг библиотеки Университета, ни в том, ни в другом случае не теряет своего значения. В первом случае она может служить хорошим пособием для преподавателей китайского яз. и учащихся оному, а во втором, не излишним украшением для самого места и редкостью для посетителей, ибо в большом и богатом доме, как говорят, не одни только необходимые к употреблению вещи занимают пространство покоев, но между ними много находится и таких, которые относятся к одному только благолепию дома, иначе дом был бы пусть и обнаруживал бы в себе какой-то недостаток...

Я со всею готовностью, согласился бы пожертвовать свою библиотеку в пользу отечественного просвещения, не требуя за неё никакого вознаграждения, если бы настоящее мое состояние не было окружено другими многими нуждами..., а потому я и осмеливаюсь испрашивать чрез посредство Вашего Прев-ва исходатайствования мне за неё денежного пособия и притом не более [той суммы], каки сколько она и мне стоила. Вообще же я полагаю, что она мне стоит с провозом до 5000 р.

Если воспоследует такая для меня милость, а равно если какое произойдет решение со стороны монаршей воли и министра просвещения в отношении Ваших предположений о введении нового класса китайского языка, то благоволите, Ваше Прев-во, почтить меня Вашим уведомлением»¹⁵.

Ещё во время беседы с Д.П. Сивилловым в Москве М.Н. Мусин-Пушкин предложил ему составить краткую программу преподавания китайского языка, о подготовке которой о. Даниил сообщил М.Н. Мусину-Пушкину из Москвы письмом от 5 июля 1837 г.:

«По приказанию Вашего Превосходительства „Конспект для преподавания китайского языка“ мною изготовлен. Обстоятельства настоящего времени и моего положения, так часто встречающиеся со мною по случаю моего приготовления к дороге и по сдаче [Златоустовского] монастыря не позволили мне изложить настоящее мое сочинение в лучшем виде, как в таком, в каком я теперь его имею честь представить Вашему Прев-ву на благоусмотрение. Впрочем, в чём должно состоять самое дело по предмету преподавания, в том конспекте, большею частью, всё изображено, что должно делать. Существо дела не в витийстве, но в достижении своей цели, и в том, чтоб возлагаемую на меня должность проходить с надлежащим рачением и с пользою для учащихся. Да поможет мне в сем святое провидение!

Библиотека китайская скоро будет мною отправлена. Благоволите, Ваше Прев-во, сделать распоряжение, кому должно её принять и где поместить. По размещении же и приведении её в должный порядок пусть она дожидается до моего приезда. Об отправлении моём я теперь ещё ничего не могу определённого донести Вашему Прев-ву, ибо ещё не получено указа из Св. Синода о моём перемещении в Казань»¹⁶.

Получив согласие архимандрита Даниила принять на себя преподавание китайского языка в упомянутом университете, М.Н. Мусин-Пушкин обратился к министру народного просвещения с предложением учредить в Казани кафедру китайского языка¹⁷ в результате чего в мае 1837 г. была открыта первая в России кафедра китайского языка, руководителем которой стал архимандрит Даниил, одновременно назначенный настоятелем Ивановского монастыря Казани¹⁸.

Ещё в 1834 г. Д.П. Сивиллов опубликовал в журнале «Отечественные записки» некоторые сведения о китайской грамматике, на что впоследствии обратил внимание известный востоковед В.П. Васильев (1818–1900) при подготовке (совместно с А.О. Ивановским) китайско-русского терминологического словаря (по китаеведению), сохранившегося в его личном архиве¹⁹.

Возглавив кафедру китайского языка, Даниил Сивиллов из-за отсутствия учебных пособий приступил к обучению студентов этому языку соответственно своей методе: слушателям 1-го курса он объяснял «ключи, или первообразные слова», обучал написанию прописей

через тонкую бумагу, разъяснял начальные грамматические правила и предлагал им вести «китайские разговоры» с переводом на русский язык²⁰.

С выходом в свет в 1838 г. «Китайской грамматики» Н.Я. Бичурина первоначальный эмпирический опыт преподавания китайского языка, полученный Даниилом Сивилловым, приобрёл более системный характер, чему способствовала и подготовка им учебных пособий. 23 октября 1839 г. он сообщил о написании хрестоматии, составленной из произведений древнекитайской философии. Снабжённая словарём его «китайская хрестоматия» была передана на рецензию наиболее авторитетному «хинезисту» – Н.Я. Бичурину, который в своём первом отзыве особенно упорно защищал свою далеко не безупречную транскрипцию китайских слов. Считаясь с мнением столь известного китаевода, М.Н. Мусин-Пушкин потребовал обязательного внесения в рукопись Даниила Сивиллова необходимых исправлений, без чего её нельзя было издать за счёт казны.

Неудача с изданием хрестоматии не сломила творческий настрой её составителя, и архимандрит Даниил более энергично продолжал свои научные штудии как переводчик. Уже через год он представил в Цензурный комитет университета переводы трёх важнейших древнекитайских канонических книг из четырёх с изложением основных положений конфуцианского учения. Архимандрит полагал, что издание этих переводов позволит успешнее решить проблему недостающих учебных пособий, особенно при знакомстве студентов с текстами китайских исторических сочинений.

После неудачи с изданием своей «китайской хрестоматии» Д.П. Сивиллов не без оснований опасался пристрастного отношения к своим трудам со стороны китаистов и даже высказывал желание, чтобы его переводы китайских сочинений были переданы на рецензию лицам, более знакомым с общими вопросами литературоведения. Тем не менее его труды попали к его товарищу по Пекинской духовной миссии О.П. Войцеховскому, ставшему благодаря хорошему знакомству и с маньчжурским языком, его преемником в Казанском университете.

О содержании и характере приводимой ниже рецензии О.П. Войцеховского позволяет судить его письмо к Мусину-Пушкину, отправленное из Казани 14 апреля 1845 г.:

«Порученные мне Вашим Превосходительством рукописные переводы бывшего профессора китайского яз. архимандрита Даниила рассматривал я с особенным вниманием по важности предметов, избранных им для перевода китайских классических

книг, по трудности переложения их, не только на русский, но и какой-либо европейский язык.

При сем занимался я не одним только внимательным рассмотрением перевода на русском языке, но и, насколько возможность позволяла, сличением переводов с китайским и маньчжурским текстом...

Представленные Вашему Прев-ву переводы с китайского яз. [...] состоят в 5 книгах:

1) „Сы-шу“, или Четырёхкнижие²¹, – классические учебные книги; 2) „Шу-цзин“, летопись и 3) „Ши-цзин“, стихотворения, также классические книги; 4) Философию Лао-цзы, то есть частную философию, входящую в состав канонических книг, и 5) „Драгоценное зеркало“, то есть нравственная книга, превосходящая по своему слогу и изложению истин, но [она] находится вне числа классических книг²².

Избранные китайские классические книги „Сы-шу“ (Четырёхкнижие) для перевода на русский яз., по важности содержания, по своей необыкновенной лаконической литературе, были чрезвычайно редки до 1667 г., пока обществом иезуитов [в лице] Инторцетта, Гердриха Ругемонта и [Филиппа] Куплета не были сообщены Европе, хотя и не в полном виде. Потом в 1711 г. книги эти вполне и в совершенно удовлетворительном переводе изложены иезуитом Франциском Ноелем. И наконец, одна из 4-х книг в 1824 г. издана [французским синологом] Станиславом Жульеном, не бывавшим в Китае.

Что касается до книг „Шу-цзин“ и „Ши-цзин“ и „Драгоценного зеркала“, то они ещё не были переведены на европейские языки. Только философия Лао-цзы недавно переведена на французский яз. [французским синологом Абелем Ремюза].

Перевод архимандрита Даниила также близок к смыслу текстов китайского яз., однако по мере приближения перевода к правильнейшему выражению китайской мысли [порой] отступает от стройного слога русской литературы, так что не только привязчивый критик, ищущий недостатки в слоге, но даже обыкновенный языковед в иных местах назовёт [стиль изложения] нерусским слогом. Если бы этот великий труд в переводах классических китайских книг архимандрита Даниила мог когда-либо оформиться нынешнею цветущею русскою словесностью, то он сделался бы всегдашним пособием для учащихся китайскому языку...

Изложив краткий обзор переводов архимандрита Даниила честь имею представить моё мнение на благоусмотрение Вашего Прев-ва.

Исправл[яющий] должность ординарного профессора Иосиф Войцеховский»²³.

Несмотря на то, что переводы Д.П. Сивиллова удостоились высокой оценки со стороны рецензента-специалиста, направившего свой положительный отзыв М.Н. Мусину-Пушкину, они не были рекомендованы к печати (вероятно, с учётом и будущей перемены места жительства их автора)²⁴.

Многие годы тяжёлого, порой изнурительного труда, связанного с переводами сложнейших для понимания и весьма трудоёмких по иероглифике древнекитайских сочинений, напряжённая преподавательская деятельность в университете и в местной гимназии не могли не сказаться негативно на состоянии здоровья и творческого духа Д.П. Сивиллова. Под влиянием нездоровья и общей усталости он в апреле 1844 г. решает оставить руководство китайской кафедрой. Не исключено, что на такое решение учёного мог повлиять предстоящий переезд М.Н. Мусина-Пушкина в С.-Петербург, где ему предложили пост Попечителя С.-Петербургского учебного округа. В письме Д.П. Сивиллова от 6 апреля 1844 г. из Казани к М.Н. Мусину-Пушкину по поводу принятого им решения о прекращении преподавательской деятельности, где, как видно из приводимого ниже текста, был фактически представлен отчёт не только о её итогах, но и о переводах важнейших произведений древнекитайских классиков:

«Без сомнения, Ваше Прев-во, Вы уже слышали, что я подал прошение г-ну министру просвещения об увольнении себя от университетской службы и о причине, побудившей меня просить сего увольнения. Теперь считаю нужным ещё повторить, почему я решился оставить службу мою при Университете. Но прежде, нежели я это сделаю, нужным также нахожу донести Вашему Прев-ву, почему я послал свою просьбу об увольнении непосредственно [министру просвещения]. У нас в Казани пронеслись слухи, что Ваше Прев-во уже оставили службу в Казани и по воле государя императора назначены попечителем С.-Петербургского университета и сенатором. Эти слухи дошли до меня от людей, заслуживающих доверия. Замыслив просить об увольнении, я предположил себе, что надобно обратиться с прошением прямо к самому министру просвещения, потому что мне представилось, что Ваше Прев-во, быть может, уже и дела сдали по прежнему Вашему управлению, следственно, мое прошение и отношение к Вашему Прев-ву возвращено будет обратно в Казань без всякого действия.

Дабы не упустить случая, открывшегося мне к прохождению службы в другом месте, ближайшем к моему званию, где я, между

прочим, надеялся получить больше покоя и средств к облегчению слабого моего здоровья, я и заблагорассудил послать своё прошение прямо к г-ну министру. Ошибка – не преднамеренная. Место же, какое я избрал для своей службы, есть Посольский, забайкальский монастырь в Иркутской епархии, мне известный по здоровому своему климату и уединению. Тогда, когда я узнал, что о. арх. Вениамин, назначенный на сие место, был оставлен наместником в Александро-Невской Лавре возродилась у меня мысль объявить желание на занятие сего вакантного места, с одной стороны, потому, что служба при Университете действительно сделалась для меня уже не по силам, а с другой стороны, я надеялся, что в Забайкальском крае среди покойной и безмолвной тишины я могу поправить своё здоровье. По сей причине я и подал другое прошение в Св. Синод об назначении меня настоятелем в означенный монастырь. Вот главное побуждение, какое я имел при оставлении моей службы при Казанском Университете.

Поелику же я в продолжении моей службы при Университете, кроме обыкновенных лекций, занимался ещё переводами с китайского языка на русский канонических книг, известных у китайцев под именем „цзинов“ и много ими уважаемых, то я вознамерился теперь представить Вашему Прев-ву те из них, какие успел я доселе перевести...

Переведены же мною следующие книги:

- 1) Четырёхкнижие (Сы-шу), или философия Конфуция в 2-х частях.
- 2) Древняя летопись (Шу-цзин) в 2-х частях.
- 3) Собрание древних стихотворений в 2-х частях (Ши-цзин).
- 4) Философия Лао-цзы (Даодэ-цзин) в одной части.
- 5) Книжка под заглавием: „Драгоценное зеркало, в котором все кому можно видеть своё сердце“ [*Мин-син бао-цзянь*]. – А.Х.), или собрание достопамятных изречений, извлечённых из отличнейших сочинений китайских, – в одной части.

Эти книги в Китае имеют государственную и учёную важность, а притом могут служить и хорошим пособием для обучающихся китайскому языку. Они давно уже переложены на многие знатнейшие в Европе языки; на одном только русском их ещё и доселе не видно в издании. Посему я и решился перевести их, и теперь имею честь представить Вашему Прев-ву и просить, дабы с Вашей стороны было употреблено ходатайство об издании их в свет на казённый счёт. Даже мне приходит на мысль, что нисколько не было бы излишне доложить об этом и Государю-Императору.

Кроме сего, я уже начал переводить и всеобщую историю Китая, из которой переведены мною материалы, [охватывающие] пять династий. А если Св. Синод благословит перевести меня в Иркутскую епархию, в Посольский монастырь, то я на досуге думаю и остальные канонические книги перевести на русский язык и докончить перевод истории Китая. Для сего я покорнейше прошу Ваше Прев-во позволить мне взять с собою [книги] из университетской библиотеки: 1) историю Китая под заглавием: „Тун-цзянь чжи-цзе“, в 2-х томах, 2) „Жи-цзян ли-цзи цзе-и“ – об обрядах и обыкновениях – в 2-х томах, 3) „Жи-цзян и-цзин“, или „Книга перемен“, в одном томе и 4) словарь „Цзы-вэй“, в 2-х томах, которые я предположил перевести на русский яз. По окончании [переводческого] труда они все будут возвращены на своё место во всей их целостности.

О. архимандрит Вениамин, предполагая, что я буду и далее продолжать службу мою при Казанском Университете, прислал мне и последние свои китайские и маньчжурские книги. По рассмотрении их я нахожу, что они весьма могут быть полезны и даже необходимы для Казанского Университета, и особенно, когда будет открыта [дополнительно к китайской] кафедра для маньчжурского языка. Не благоугодно ли будет Вашему Прев-ву переговорить об сих книгах с г-ном министром и принять их в пользу Казанского Университета. Они отдаются по тем ценам, чего они стоят в самом Пекине, кроме их провоза. [Общая] сумма денег, может быть, потребуется за них менее 1.500 руб. ассигн. Реестр сим книгам и их ценами я ещё не получил от о. Вениамина, но надеюсь получить его, когда моя участь решится в Св. Синоде, ибо я ещё и доселе ничего о себе не знаю, а равно от г-на министра просвещения, от которого ещё не сделано никакого обо мне распоряжения.

Желал бы я, чтобы мои переводы отданы были в обыкновенную цензуру, а не к знатокам китайского языка, дабы они не встретили подобного затруднения, какое случилось некогда и с моею китайскою хрестоматией и притом из-за мелочных причин. В случае же затруднения издать их в свет, пусть их опять перешлют туда, где я буду находиться на службе. Поручая себя покровительству Вашего Прев-ва имею честь остаться навсегда с истинным почитанием и совершенною преданностью

Вашего Прев-ва, милостивый государь, покорнейшим слугою и богомольцем Иоанно-Предтеческого монастыря грешный архимандрит Даниил»²⁵.

Последующая деятельность Д.П. Сивиллова в течение ряда лет протекала в Забайкалье, преимущественно в Селенгинске, где наряду с выполнением миссионерских обязанностей по распространению православия среди местного бурятского населения он продолжал заниматься переводами древнекитайской классической литературы. Об этом свидетельствует его обращение к Н.И. Любимову, ранее служившему в Азиатском Департаменте МИД, с цитируемым ниже письмом от 1 июля 1858 г.:

«В 1856 году января 24 дня при отношении моём за № 29 к Вашему Прев-ву послан был мною ящичек с моими переводами с китайского на русский язык канонических книг Китая, а именно: 1) „Сы-шу“, или четырёхкнижие Конфуция, 2 т., 2) „Шу-цзин“, летопись, 1 т., 3) „Дао-дэ-цзин“, философия Лаоцзы, 1 т., 4) „Мин-синь бао-цзянь“ („Драгоценное зеркало, в котором можно видеть сердце“), 1 т. (В конце сей книги приложено моё рассуждение о китайском языке.), 5) Всеобщая история Китая, сочинение министра Чжан Гэ-лао, до [правления] династии Хань.

В отношении своём я просил Ваше Прев-во напечатать сии мои переводы в одном каком-нибудь периодическом журнале, или отдельно, и преимущественно для руководства наших пекинских миссионеров. Эти мои переводы были посланы в то время, когда Вы, Ваше Прев-во, занимали должность директора Азиатского департамента, и, как я после узнал, они пришли в Петербург, когда Вы, Ваше Прев-во находились в чужих краях. Впрочем, они должны придти в Азиатский Департамент. Кто их получил тогда и переданы ли они потом Вашему Прев-ву, мне о том и доселе ничего не известно.

Посему покорнейше прошу Ваше Прев-во благоволить уведомить меня, получены ли Вами эти мои переводы, или где они теперь находятся, и что с ними сделано. Жаль, если они как-нибудь затеряются: тогда пропали все мои труды – плоды многих лет моей жизни на поприще Пекинской службы.

Амур, наконец, уступлен китайцами России с прибавлением ещё немалого участка земли, прилегающего к Татарскому проливу. Важное приобретение. Теперь за Россией вся левая сторона Амура до самого Восточного океана.

С глубочайшим уважением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Прев-ва, милостивый государь, покорнейшим слугою и богомольцем Троицкого Селенгинского монастыря архимандрит Даниил (в Забайкальской области)²⁶.

В связи с указом от 11 января 1863 г. о назначении архимандрита Даниила (Д.П. Сивиллова) настоятелем Ростовского Борисоглебского

монастыря (Ярославской епархии)²⁷, ему решением Синода от 20 августа 1863 г. было предложено сдать дела по управлению Селенгинским Троицким монастырем (в Забайкалье) архимандриту Дермидонту²⁸. С прибытием на новое место церковного служения для опытного миссионера-китаиста открылось новое поприще для научной работы. Об этом позволяет судить, например, обращение к нему Св. Синода с просьбой дать письменный отзыв на китайский перевод Нового завета, выполненный начальником Пекинской духовной (православной) миссии в Пекине архимандритом Гурием Карповым²⁹.

Согласно архивным данным, в январе 1872 г. находившийся на покое в Ростовском Борисоглебском монастыре архимандрит Даниил по прошению был освобождён от должности настоятеля указанного монастыря³⁰.

Последние годы жизни великого труженика-китаиста прошли в стенах Борисо-Глебского монастыря Ярославской епархии, где он скончался 1 сентября 1877 г. на грани страшной нищеты, а его последние нетленные творения в виде рукописных листков и некоторого числа личных книг стали известны случайным туристам-энтузиастам науки благодаря вниманию к бумажному хламу, вынесенному из храма для уничтожения после косметического ремонта церковной обители³¹.

Приложение

Конспект для преподавания китайского языка

Изучение всякого иностранного языка обыкновенно начинается с азбучных букв и с грамматики; следовало бы ожидать такого же начала и от китайского языка. Нельзя сказать, чтобы китайский язык не имел своей грамматики, иначе он был бы невразумителен и для самих природных китайцев ни в живом, словесном его употреблении, ни в безгласных письменах их сочинений; нельзя также сказать, чтобы у китайцев, как и у других народов, совсем не было бы и азбуки. Есть у них и азбука, есть также и грамматика, но только не для иностранцев, а для самих, [причём] в своём виде, приспособленном более или менее к облегчению трудов учащихся и к правильному составлению речи, ибо азбука их состоит из собрания некоторого числа наиболее употребительных в общежитии [слов] с изображением самых вещей, всегда обращающихся пред глазами, для того, чтобы начинающие учиться первым начаткам словесных наук дети, глядя на предмет, изображённый пред их глазами, тем твёрже запечатлевали в памяти и самое слово, которым означает тот или другой предмет, а грамматика [китайская] заключается не в

одних правилах, собственно к ней одной относящихся, но в ней заключены многие и такие правила, которые у нас должны быть отнесены к составным частям риторики или к первым началам логики.

Китайцы не заботились составлять своих азбук и грамматик для иностранцев, ни заимствоваться подобными пособиями от других, соседних земель для изучения иноземных языков, будучи уверены, что всякое сокровище мудрости и разума сосредоточено в их Среднем царстве и в пяти священных книгах, а поэтому их азбуки и грамматики, приспособленные к их вкусу и образу понятий, мало идут к употреблению учащимися, которые с ними различествуют свойством страны и языка. То же самое можно сказать и о порядке, которому они следуют в преподавании учебных предметов. Следовательно, для юных питомцев наук из россиян, предполагаемых к изучению сего языка, должен быть и другой порядок в обучении, другая азбука и другая грамматика, нежели какие находятся в употреблении в Среднем царстве, а для сего нужным представляется руководствоваться в преподавании китайского языка нашим соотечественникам способами, наиболее соответствующими настоящей цели и в следующем порядке:

1. Из предварительного замечания видно, что в китайском языке нет и не может быть подобной нашей азбуки, ибо весь их язык есть ни что иное, как почти азбука, потому что состоит из слов, усвоенных [для обозначения] каждой вещи отдельно, а если в нём можно отыскать какую-нибудь азбуку, которая бы хотя в некотором отношении и не вполне сходствовала с нашею, то таковою можно назвать и те приблизительно ключевые буквы, которые так названы католическими миссионерами по их отношению к китайским словарям, потому что ими как ключом отверзается дверь ко входу во внутренность сих словарей и отыскиваются все нужные к употреблению слова, но они значат более, нежели того, насколько выражает они такое наименование. Они в китайском языке составляют особое отношение простых и первообразных слов и служат как бы некою основою, из которой сплетено всё множество известных у них иероглифов, производных и сложных и делят сии последние на такое число разных разрядов, каковому они сами равняются. Число же их простирается до 220 знаков. Сии-то [ключевые] знаки, по моему мнению, могут заменить азбуку и с них-то будет положено первое начало и самому опыту преподавания.

2. Поскольку правила китайской грамматики ещё не изготовлены [определены] и не приведены в должный им порядок, то таковые будут собираемы и объяснимы а) при преподавании уроков из китайских разговоров, б) из переводов легчайших китайских сочинений,

изданных на простом языке (су-хуа), а потом из переводов [древне-китайских] классических книг, писанных учёным стилем (вэнь-хуа), почему и грамматика разделяется на две части.

3. К первой части грамматики будут относиться такие правила, в которых будет изъяснено, в каком виде надобно принимать то или другое слово, в виде ли существитель(ного) или прилагат(ельного); выражает ли оно глагол, или имеет силу причастия; к какому роду падежей и чисел его надобно причислить, если оно стоит в виде какого-нибудь имени; или в каком залоге, наклонении и времени оно употреблено, если взято в качестве глагола; также какие у китайцев в употреблении формы для степеней сравнения, и как они отличают рода лиц и вещей, [т.е.] кратко здесь будет показано всё, что относится к 1-й части грамматики, и как должно распознавать все части речи со всеми их принадлежностями и оборотами, несмотря на то, что китайский язык не имеет ни склонений, ни спряжений, потому что все слова, какими он изобилует, в их существе и составе, не подлежат никакому изменению, но тем не менее, однако ж, подвержены грамматической строгости, по другим отношениям ему одному только свойственным.

4. К сему же роду занятий будет принадлежать и чистописание сквозь тонкую бумагу по примеру китайцев. А чтоб учащиеся скорее могли привыкнуть к правильному изображению китайских слов, то для сего надобно заставлять их писать на доске, на которой пишутся математические задачи.

5. При преподавании уроков [состоящих] из разговоров готовых и при объяснении взятых из них правил грамматических учащиеся будут занимаемы и практическим разговором изустно или живым языком преподавателя.

6. Для перевода с китайского языка на русский язык при вступлении в 1-ю часть грамматики могут быть с пользою употреблены следующие классические книги, писанные средним стилем: а) Троеслоие (сань-цзы-цзин); б) училище для малолетних (сяо-сюэ); в) о долге детей к родителям и подчинённых к государству (сяо-цзин и чжунцзин); г) хрестоматия, известная под именем «Драгоценное зеркало для образования ума и сердца» (Мин-син бао-цзянь) и другие лёгкие повести, написанные языком, употребляемым людьми высшего сословия, под именем которого разумеют китайцы так наз. язык гуань-хуа, и такой перевод предполагается быть излагаем также с грамматическим разбором, который вместе с тем должен отверзать дверь ко вступлению во 2-ю часть грамматики (вэнь-хуа), в состав которой будут входить следующие предметы:

7. Занятия учащихся переводами статей из канонических книг, известных у китайцев под именем у-цзин, или пяти священных книг, и в особенности философии Конфуция с продолжением её, написанным философом Мэн-цзы и с толкованием в книге одного из китайских учёных Чжу-цзы, которую китайцы именуют «сышу», или четырёхкнижием, и которая у них почитается основанием высшей мудрости и просвещения; всеобщей истории Китая, сочинённой министром Чжан-Гэ-лао для наследника престола Минской династии, и других, по усмотрению лучших и полезных, книг.

8. Здесь также будет продолжен грамматический разбор с показанием различия правил и оборотов, употребляемых китайцами в изображении своих мыслей на учёном, или книжном языке, от простого, общенародного наречия и вообще всего состава речи, который только свойственен одному письменному языку и который ни сам не входит во взаимное сношение с языком общенародным, ни к себе входить его не допускает, разве что в таких случаях, когда нужно ему воспользоваться словами, обеим им общими, и то это бывает или с переменою их значений, или с переменою размещения, или с отсечением лишних слов от выражений, свойственных простому языку. Отчего и происходит, что китайцы одним языком говорят, а другим пишут.

9. Объяснение, в чём состоят красоты учёного языка; степени его возвышенного стиля, разделение на древнюю и новейшую словесность, превосходство первой над последней. Для сего будет принято в руководство чтение книг, носящих наименование *гу-вэнь*, или древних образцовых литературных сочинений, а также и философских творений, которые слывут у китайцев под названием *цзы*.

10. Нужные замечания о характере китайских иероглифов в древнем их начертании: о постепенном их изменении, о причинах такого изменения с объяснением первоначального их происхождения, и о превосходстве ныне употребляемых с истолкованием некоторых из них в их мифическом знаменовании.

11. К сей части грамматики также отнесены будут лекции о употреблении и свойствах известных у китайцев 5 звуках, или ударений (*у-инь*), которые для их языка составляют чрезвычайную важность и необходимость, потому что с изменением сих звуков происходят не только многие изменения в выговорах слов и их значениях, но и отсюда проистекают также многие изменения в грамматических правилах так, что иногда из существительного делается глагол, из глагола среднего происходит глагол действительный, из наречия опять глагол, и из предлога другая какая-нибудь часть речи

и т.д. Например *лай*, значит: радушно принимать странних. *Лэ*, веселиться, веселие, с переменою звука *лэ* значит – нахожу в чём-либо удовольствие; а с переменою звука и выговора *лэ* на *ио* [юэ], сие слово значит – музыка, играю на музыкальном инструменте, устраю, даю концерт; то же *лэ*, если принимает другой звук и другой выговор, и вместо *лэ* или *ио*, если выговаривается *яо*, тогда значит: люблюсь каким-нибудь зрелищем или видом. *Цзи* и *цзю* в виде наречия, под известным звуком значит: тотчас, а под другим принимает на себя силу и значение глаголов – приближаться, подходить. *Шан* – предл[ог] на, над; при изменении звуков, иногда значит: всходить, государь; входить в какое-либо, уважения заслуживающее, место, например – входить в храм, в присутственное место, идти ко двору или в царский дворец. Необходимость же различия сих звуков известна и уважена будет в преподавании, потому как китайский язык по большей части состоит из односложных, а редко из двусложных слов, и притом при обширном обилии оных неравное имеет число выговоров, так что на один и тот же выговор произносится до тысячи, а иногда и более слов с разными начертаниями и значениями, смотря по различию предметов, им выражаемых. Дабы при произношении живым голосом, или при чтении книги слушающие, приняв одну вещь за другую, не смешали одного понятия с другим, и не вывели бы из того другого для себя заключения, или не подверглись бы недоумению и невразумительности – различие и хорошее [правильное] употребление звуков при произношении слов удобно могут отвлечь сей недостаток. Следовало бы при самом начале обучения ввести в употребление различие сих звуков, но как сие сопряжено с величайшими трудностями, так что скорее можно охладить ревность учащихся, нежели достигнуть нужной цели, то употребление их и отнесено будет ко 2-ой части грамматики, в том между прочим предположении (как это мне из опыта известно), что даже при нестрогом соблюдении произношения звуков (только бы слова были произносимы) именно в правильном их выговоре и с надлежащим размещением [по тонам] можно и понимать других и самому быть понятом...

12. Здесь раскрыт будет и другой секрет для познания китайского языка, который состоит в часто случающейся перестановке слов, из которой он принимает на себя удивительное разнообразие и производит разительную красоту и силу в устной речи; от того-то он и называется китайцами *ходы хуа*, т.е. живым языком, потому что может всегда следовать за всеми изгибами мысли и угождать во всём искусству писателя, оставаясь всегда неизменным в существе своих иероглифических знаков. К сему присовокупляемы будут нужные

объяснения, почему в учёном языке не всегда употребительны известные у китайцев вспомогательные частицы, коими означаются различные грамматические части речи, и кои так необходимы бывают в простых и менее возвышенных сочинениях. Распознавать же их можно по одному течению мысли автора, составу и свойству речи и значению слов, смотря по тому, в каком она устройстве предлагается. При сем не лишним также считаю заметить, что для основательного познания китайского языка и особенно в учёном его отношении, учащиеся непременно должны иметь некоторые сведения в правилах риторики и логики, дабы они тем удобнее и правильнее могли из изменяемого состава речи китайского языка излагать мысли по правилам изменяемости своего языка.

13. И наконец, будет показываемо учащимся, как должно при чтении книг отделять одно выражение от другого, и одну мысль не смешивать с другою, и какие и где надобно разуметь знаки препинания, потому что китайцы не ставят в своих сочинениях подобных нашим знаков препинаний, чем они некоторые из них заменяют, что, видимо, побудило их оставить сию довольно важную принадлежность в словесности.

14. В известных случаях будут также присовокупляемы указания на некоторые названия китайских грамматик, сочинённых на европейских языках; сравнения их с сочинениями сего рода на китайском языке; нужные при этом замечания; дополнительные сведения об описательных формах и выражениях, коими китайцы так часто пользуются при изображении различных состояний мысли, выражающихся словами, не имеющими обыкновенных склонений и спряжений; изготовление материала для составления словаря.

Таковой способ и порядок в преподавании китайского языка пока на первый раз предполагаются быть нужными и удобными. Дальнейшее же усовершенствование оных предоставляется времени и продолжению занятий по сему предмету.

О. архимандрит Даниил.

НАТР, ф. 92, оп. 1, д. 4599, л. 17–23; 25 (автограф).

На листе 17 имеется карандашная помета М.Н. Мусина-Пушкина: «К делу об учрежд[ении] кафедры [китайского] языка».

Примечания

¹ Скачков П.Е. Очерки истории русского востоковедения. М., изд. «Наука», ГРВЛ, 1977, с. 193–195; Хохлов А.Н. Д.П. Сивиллов – руководитель первой в России кафедры китайского языка // Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы VI Всероссийской конференции (Москва, июнь 1992 г.). М., 1992, с. 155–158.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. СПб. Главный архив I-5, 1817-1840; д. 1, папка 2, л. 399.

³ Там же, п. 1-а, лл. 28-29.

⁴ Там же, л. 222.

⁵ Российская национальная библиотека (СПб.) (РНБ). Отдел рукописей, ф. 608, оп. 1, ед. хр. 50.

⁶ Там же, л. 4-7.

⁷ Там же, л. 28-29.

⁸ Там же, л. 36 (автограф 1831 г.).

⁹ Там же, л. 37-39.

¹⁰ Следует подчеркнуть, что цитируемые нами пассажи из перевода Сивиллова отчасти подверглись незначительной литературной правке с соблюдением смысла и стиля повествования, а также с учётом желания автора «оставить достоинство подлинника неприкосновенным». См.: РГБ НИОР, ф. 273, картон 19, ед. хр. 3, л. 5.

¹¹ Российская государственная библиотека (Москва) (РГБ), НИОР, ф. 273, картон 19, ед. хр. 3, л. 1-3.

¹² Там же, л. 49, 81. По поводу такого подхода к проблеме взаимоотношений правителя со своими подданными, переводчик в своём комментарии указал: «Мысль [по сути своей] не правильная. Напротив того, нужно давать [народу] образование, но только сообразное с состоянием [социальным положением] каждого [подданного]». См.: там же, л. 22.

¹³ Весьма примечательна карандашная запись М.Н. Мусина-Пушкина на листке с указанием московского адреса Д.П. Сивиллова: «Архимандрит Златоустовского монастыря отец Даниил живёт в самом монастыре Мяковской части на Маросейке»: *«Был у архимандрита Даниила 12 февраля, нашёл в келье человека умного и хорошо говорящего на языке китайском. Сам же он не прочь занять в Университете Каз[анском] кафедру этого языка»*. См.: Национальный архив Татарской Республики (НАТР), ф. 92, оп. 1, д. 4599, л. 3.

¹⁴ НАТР, ф. 92, оп. 1, д. 4599, л. 7-8 (авт.).

¹⁵ НАТР, ф. 92, оп. 1, д. 4599, лл. 1-2 (авт.); Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 42, д. 5, л. 3-4 (копия).

¹⁶ НАТР, ф. 92, оп. 1, д. 4599, л. 18 (авт.).

¹⁷ РГИА, ф. 733, оп. 42, д. 5, л. 1-2.

¹⁸ Там же, л. 17.

¹⁹ С.-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук (С.Пб. филиал АРАН), ф. 775, оп. 1, д. 78, л. 207.

²⁰ Подробнее см.: Приложение. Конспект для преподавания китайского языка.

²¹ Экземпляр перевода «Сы-шу», находящийся под шифром Ху1-2487 в библиотеке Восточного факультета С.-Петербургского университета снабжён двумя наклейками: одной с текстом – «Библиотека Азиатского Департамента» [МИД] и другой с текстом: «Из книг приват-доцента китайского языка д.с.с. Павла Степановича Попова. Подарила 10 марта 1914 г. имп. С.-Петербургскому университету вдова Александра Константиновна Попова».

Особого внимания заслуживает приводимое ниже предисловие, написанное переводчиком (стр. 1–13):

«Итак, „Четверостишие“ может быть с пользою употребляемо в учёном, нравственном и политическом отношениях. В учёном отношении оно может быть употреблено при составлении истории философии и вообще в философских умозрениях. В нравственном – из него всякий может почерпнуть прекрасные наставления и с успехом ими пользоваться при разных случаях своей жизни, как правилами более основанными на опыте, нежели на умственных соображениях, равно как и в политическом [отношении], в котором может найти назидательные наставления всякий [человек], посвятивший себя государственной службе и вообще изучать в нём прекрасные уроки [и примеры], нужные не только для одной лобознательности, но и полезные для направления своей воли к добру и для большего обогащения своего ума истинами естественного света, ведущего свое происхождение от того же истинного света, который просвещает всякого человека, вступающего в мир».

Далее в предисловии даны датировка перевода – 24 сентября 1855 г. и подпись переводчика – «архимандрит Даниил», который своему детищу даёт такое название: «Сы-шу, или четырёхкнижие, заключающее в себе любомудрие Конфуция и Мэн-цзы».

²² Полное русское название этого труда Д.П. Сивиллова, выполненного им на основе изучения китайского сочинения «Мин-син бао-цзянь» – «драгоценное зеркало, в котором всякому можно видеть своё сердце, или собрание достопамятных изречений, извлечённых из отличнейших [произведений] писателей китайских». Первые четыре главы этого перевода к этому времени были опубликованы в 1837 г. в «Учёных записках, издаваемых Казанским университетом», на что позднее указывает переводчик в связи с подготовкой перевода всего китайского сочинения, разделённого им на двадцать одну главу. Вот что сказано им в обширной сноске к главе 1-ой «О снискании добродетели»:

«Первые четыре главы были помещены в „Учёных записках“ Казанского университета», во второй и третьей книжках 1837 г. Но теперь в них сделаны некоторые исправления для того, чтобы сделать сей перевод для учащихся китайскому языку более близким с подлинным текстом и, следовательно, более полезным для употребления. Для сей же цели [ранее] не были мною извлекаемы многие наставления, [ныне] приводимые здесь из Конфуция, Лао-цзы, летописи, собрания древних стихов в том виде, в каком сделан мною особенный перевод сих творений – более аккуратный и пояснённый некоторыми добавлениями, но они переводимы были почти в буквальном смысле, без обработки». См.: Российская государственная библиотека (Москва), НИОР, ф. 273, картон 19, ед. хр. 1, л. 31.

²³ НАТР, ф. 92, оп. 1, д. 5739, л. 1–2 (автограф).

²⁴ На отсутствие денежных средств у Казанского университета на издание подобных работ указывается в ответном письме от 18 апреля 1845 г. М.Н. Мусина-Пушкина из Казани на имя архимандрита Даниила: «Согласно письму Вашего Высокоблагородия от 22 прошедшего августа, я имею честь возвратить у сего Ваши рукописные переводы ... различных китайских сочинений. О напечатании переводов ходатайствовать нельзя потому,

что я ныне по Высочайшему соизволению сдаю должность попечителя Казанского учебного округа». См.: НАТР, ф. 92, оп. 1, д. 5739, л. 3.

²⁵ НАТР, ф. 92, оп. 1, д. 5570, лл. 11–12 (авт.). В сноске письма указано «Переводы в тетрадях посланы по почте 7-го апреля».

²⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–5, 1823, д. 1, п. 17, л. 373–374 (авт.).

²⁷ «Ярославские епархиальные ведомости», 1864, 13/22 августа 1864 г.

²⁸ Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник, Отдел рукописей, ед. хр. 15542, л. 467–468.

²⁹ Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Российская православная миссия в Пекине и переводы христианских книг // Китайское языкознание. VIII Международная конференция. М., 25–26 июня 1996 г. М., 1996, с. 160–164.

³⁰ Государственный архив Ярославской области, ф. 230, оп. 2, д. 2866, л. 17–18.

³¹ В библиотеке Борисоглебского музея после ремонта чудом сохранилась часть рукописи перевода «Мин-син бао-цзянь», выполненного архимандритом Даниилом (Д.П. Сивилловым) (без начала и конца) на бумаге со штемпелем «Фабрика Говарда» с размером страницы, соответствующим упомянутому выше переводу «Сы-шу» (в библиотеке Восточного факультета СПГУ). Чтобы судить о характере упомянутого китайского сочинения достаточно обратиться к такому пассажи: «43. Попалось ли на глаза имущество, не хватай его как попало, а при встрече с бедой, не уклоняйся от неё как тебе вздумается». Статья «Мелкие обряды» (*Цюй-ли*) в книге *Ли-цзи* (л. 1).

Примечание отв. редактора

Итоговый перевод Д.П. Сивилловым первого трактата «Четверокнижия» («Четырекнижия») с относящимися к нему выдержками из его предисловия к переводу всего «Четверокнижия» и факсимиле 8 листов оригинала опубликованы А.И. Кобзевым в журнале «Восточная коллекция» (2012, № 4, с. 53–62). – *А. Кобзев.*